

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядающих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

В. К. Федоров

ВТОРЖЕНИЯ В МОГИЛЫ ЕДИНОПЛЕМЕННОКОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ НОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ У РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА VI–I ВВ. ДО Н. Э.¹

В статье рассматриваются случаи вторжений в ранее произведенные захоронения у ранних кочевников Южного Урала. Наиболее разнообразны вариации подобных действий в период конца VI–V вв. до н. э.: 1) разрушение предшествующего погребения с уничтожением самой могильной ямы; 2) разрушение погребения без уничтожения могильной ямы, фактически — захоронение в «старой» могиле; 3) захоронение в «старой» могиле без разрушения предшествующего погребения (подхоранивание). В конце V–IV в. до н. э. — только подхоранивание в дромосных могилах и, изредка, в простых могильных ямах. В III–I вв. до н. э. случаев вторжения в могилы единоплеменников нет, но имеются случаи разрушений погребений предшествующего времени (V–IV вв. до н. э.).

Ключевые слова: ранние кочевники, Южный Урал, погребальный обряд, вторжения в погребения, разрушение погребений, подхоранивание.

Вторжения в могилы единоплеменников у ранних кочевников Южного Урала — явление достаточно распространенное. Цели таких вторжений могли быть различны: ограбления, ритуальные действия, а также вторжения при совершении новых захоронений, ненамеренные и намеренные. Последние могли совершаться также с разными целями и при разных обстоятельствах. Можно выделить две основные разновидности подобных намеренных вторжений — «конструктивные» и «деструктивные».

К первым относятся последовательные захоронения в одной могиле нескольких человек, без цели нарушения предшествующих погребений, а имеющие задачу создания погребального комплекса, в котором захороненные связаны друг с другом какими-то узлами, которые нежелательно расторгать в случае смерти. Результатом этих действий являются коллективные и отчасти парные, не одновременные захоронения.

«Деструктивными» вторжениями нужно признать те, в результате которых предшествующее погребение полностью уничтожается. Здесь мы можем выделить две основные разновидности: 1) с разрушением самой могильной ямы предшествующего погребения, и 2) использование старой могильной ямы с уничтожением останков ранее погребенных там людей. Имеется два способа обращения с останками: 1) полное избавление от них, когда кости и вещи выбрасываются из могилы, и 2) сдвигание останков и вещей к стенкам могилы, чтоб освободить место для новых погребенных.

Представляется несомненным, что у каждой из выделенных разновидностей вторжений была своя мотивация. На некоторых примерах мы постараемся рассмотреть все разновидности вторжений и попытаемся установить мотивы, по которым они совершались. Оговоримся, что наше исследование является предварительным, для которого использована лишь сравнительно небольшая выборка материалов.

«Деструктивные» вторжения более всего характерны для периода конца VI–V в. до н. э.

В кургане № 2 Яковлевского могильника (Хайбуллинский р-н Республики Башкортостан) захоронение пожилого мужчины прорезало ранее совершенное погребение женщины. Ее подквадратная могила глубиной 0,5 м была в центральной части полностью разрушена сравнительно узкой могильной ямой погребения, достигавшей глубины 1,25 м. Кости погребенной и сопровождавшие ее вещи были при этом сдвинуты к сохранившимся стенкам ее могилы (Федоров, Васильев, 1998. С. 65–66. Рис. 7) (рис. 1, 1).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16–11–02008/16 «Курганы Южного Зауралья»).

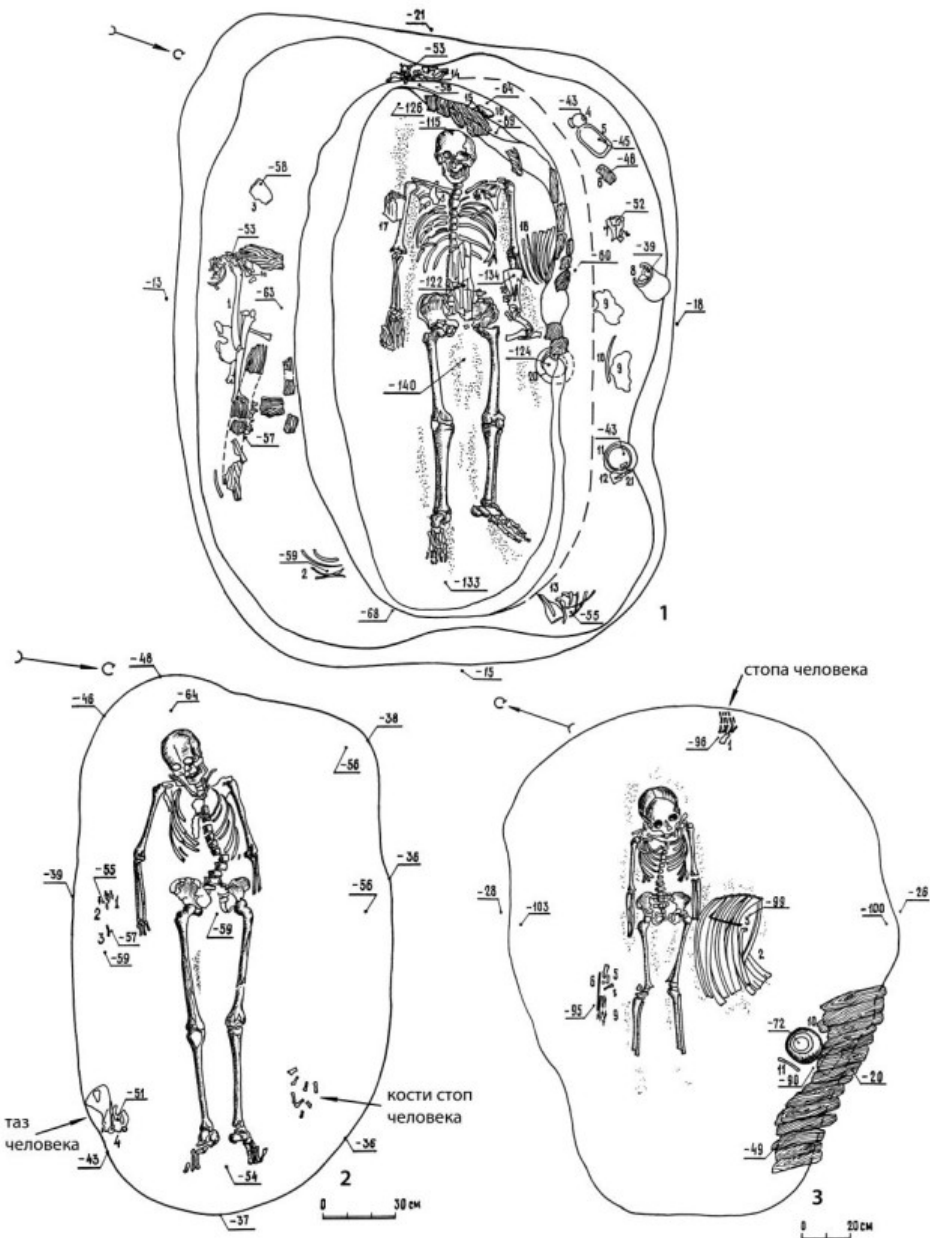

Рис. 1. «Деструктивные» вторжения в погребения ранних кочевников конца VI — V вв. до н.э.:
 1 — Яковлевский могильник, курган № 2; 2 — Яковлевский одиночный курган, погребение № 2;
 3 — могильник Казачий Мар (Уртазым), курган № 1

В непосредственной близости от Яковлевского могильника были исследованы погребения, в которых могильная яма разрушена не была, но кости погребенных и их инвентарь были практически полностью выброшены, а на их место был помещен новый покойник.

В погребении № 2 Яковлевского одиночного кургана, расположенном в 1,5 км к юго-западу от Яковлевского могильника, был захоронен молодой мужчина, но его погребение не было в этой могиле первоначальным. В районе его голени обнаружили кости ранее захороненного в данной могиле взрослого человека — таз и россыпь пальцевых фаланг стоп (Федоров, Васильев, 1998. С. 69. Рис. 17) (рис. 1, 2). В насыпи кургана был найден череп этого погребенного и некоторые принадлежавшие ему вещи.

В кургане № 1 могильника Казачий Мар (Уртазым) (Кваркенский р-н Оренбургской области), в центральном погребении обнаружено нетронутое захоронение ребенка, в головах которого найдены кости анатомически целой стопы взрослого человека (раскопки В. К. Федорова и В. Н. Васильева

1994 г., материал не опубликован). При этом многочисленные кости этого взрослого индивида и некоторые принадлежавшие ему вещи были найдены в насыпи кургана, то есть они были выброшены из могилы, в которой после «вычистки» и захоронили ребенка (рис. 1, 3).

Как разрушенные погребения, так и разрушившие их захоронения принадлежат одной культуре ранних кочевников Южного Урала и датируются примерно одним временем в пределах конца VI–V в. до н. э. Хронологический отрезок между первоначальным захоронением и тем погребением, что его уничтожило, невелик. Какие же причины вызвали столь деструктивные действия по отношению к этим погребениям со стороны, казалось бы близкородственного населения? Разгадка, думается, в следующем.

Конец VI–V в. до н. э. для ранних кочевников Южного Урала — это период «обретения родины». В том, что они не были здесь автохтонами², сходятся практически все исследователи. В качестве исходных территорий, с которых происходили миграции кочевников на Южный Урал, назывались Южное Приаралье (А. Х. Пшеничнюк), Северный Китай (А. Д. Таиров), не исключалось и проникновение отдельных групп населения из европейской Скифии (С. Ю. Гуцалов). Откуда бы ни исходила миграция, несомненно, что это было время активного продвижения на Южный Урал отдельных групп (родов, племен), сопровождавшееся вытеснениями, оттеснениями, может быть, даже истреблениями «конкурирующих» групп. Эти группы периодически теряют контроль над территориями, на которых начали формировать свои «родовые кладбища», в результате чего последние оказываются захваченными, а произведенные там захоронения намеренно разрушаются и заменяются погребениями «новых хозяев». В случае с Яковлевкой и Казачьим Маром стремление непременно захватить данные территории и «переоформить» начавшие функционировать там некрополи конкурирующих групп может объясняться каким-то особым статусом этих территорий, которые в глазах ранних кочевников были особенно привлекательны. Не случайно и в Уртызыме, и в Яковлевке в ближайшем соседстве с рассмотренными могильниками позднее были возведены большие курганы, относящиеся к крупнейшим в Южном Зауралье (Сиротин, 2010).

Случай, когда при погребении новых покойников в старых могилах останки захороненных в них людей и их инвентарь просто отодвигались к стенке могилы, хорошо известны в самых разных культурах, в том числе и у ранних кочевников. Например, в Присарыкамьшской дельте в Сакар-Чагинских могильниках много подобных захоронений было исследовано А. Т. Яблонским, который посвятил им специальную статью. «В камерах, содержащих большое количество погребенных, новые захоронения сопровождалось разрушением предыдущих. Сдвигались как полуразложившиеся останки людей, так и предметы сопровождающего инвентаря» (Яблонский, 1998. С. 10).

На Южном Урале такие случаи тоже известны, например, в могильнике Новый Кумак (Орский р-н Оренбургской области), курган № 11, погребение № 2. Здесь для погребения в широкой могиле семьи из трех человек (мужчины, женщины и ребенка) останки прежде погребенных людей были сдвинуты к восточной стенке вместе с инвентарем (Смирнов, 1977. Рис. 6, б) (рис. 2, 1). Здесь мы уже не видим той деструкции, что наблюдалась в рассмотренных выше случаях — с уничтожением самой могильной ямы или «выскребанием» могилы, так чтобы в ней и следа не осталось от предыдущих захоронений. Нужно полагать, что это уже примитивный способ многоактного захоронения единоплеменников, не содержащий какой-либо враждебности к тем, чьи останки нарушались.

Очевидно, что к середине V в. до н. э. территория Южного Урала была уже плотно заселена и все сколько-нибудь удобные пастбища, водонои, места для летовок контролировались группами кочевников, которые к этому времени уже решили все территориальные споры и сформировали на своих территориях постоянно действующие герросы. С созданием последних неизбежно встала проблема с погребением родственников в «отне гробе». До массового появления впускных погребений и, тем паче, до появления нового типа погребального сооружения — «кургана-кладбища» такую возможность давал только традиционный курган с единственной центральной могилой, путем новых захоронений в этой

² Мы не затрагиваем здесь захоронения раннесакского времени (VII–VI вв. до н. э.), которых на Южном Урале относительно немного.

могиле. В результате возникает новый тип вторжения в могилу — подхоронение. Этот способ также может быть (отчасти) деструктивным и конструктивным — с разрушением предшествующего захоронения и без оногo.

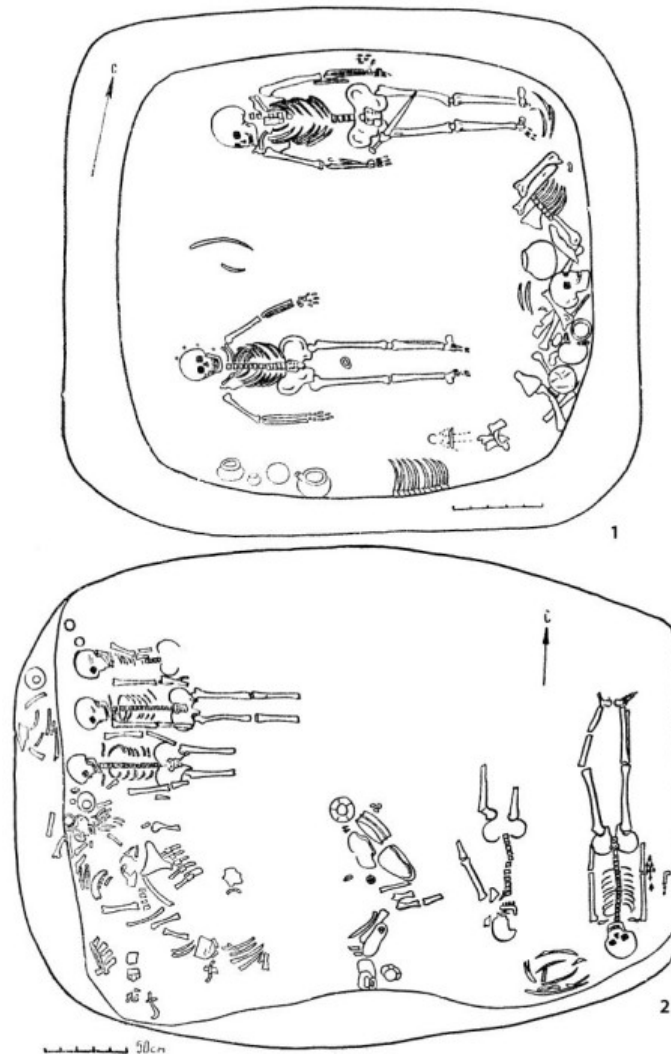

Рис. 2. «Конструктивные» вторжения в погребения ранних кочевников конца VI — V вв. до н. э.:
 1 — могильник Новый Кумак, курган № 11, погребение № 2;
 2 — могильник Новый Кумак, курган № 18, центральное погребение

В Новом Кумаке зафиксированы оба способа; пример деструктивного мы разобрали, к конструктивным же можно отнести неоднократные подхоронения в центральных могилах курганов №№ 17 и 18: здесь совершены последовательные захоронения шести и девяти человек (рис. 2, 2). Подхоронение осуществлялось через верх — раскапыванием могил и помещением в них новых покойников, при этом старались не тревожить прах ранее захороненных (хотя это не всегда получалось). Покойные ориентированы в разные стороны, находятся в могилах на разных уровнях, самые ранние частично потревожены, все это говорит о не выработанности еще строгих правил для актов подхоронивания (Смирнов, 1977. Рис. 8, 1, 10).

Такие правила были выработаны к IV в. до н. э., когда получили массовое распространение дромосные могилы. Эти погребения находятся преимущественно в крупных курганах больших могильников, таких, как Филипповка и Переволочан I (Пшеничнюк, 1995; 2012). Попутно отметим, что курганы конца VI–V в. до н. э. в это время остаются нетронутыми, в них не вторгаются, новых захоронений в них не совершают. Некоторые могильники конца V–IV в. до н. э. прямо продолжают предшествующие могильники путем пристраивания к ним своих курганов. Классическую картину такого могильника,

непрерывно существующего с конца VI до начала III в. до н. э. представляет собой Переволочан I (Хайбуллинский р-н Республики Башкортостан). Его материалы дают яркий пример постепенной трансформации погребального обряда, завершающейся окончательным утверждением дромосных погребений (Сиротин, 2016). Собственно, курганы превращаются в настоящие родовые склепы. В качестве примера приведем курган № 7 Филипповского могильника (Илекский р-н Оренбургской области). В отличие от большинства дромосных погребений захоронение в нем не подверглось тотальному разрушению грабителями (Пшеничниук, 2012. Рис. 88–91). Северная и западная части крестообразного в плане склепа сохранили останки шести погребенных, которые, по всей видимости, были захоронены не одновременно, а последовательно, собственно для этой цели и служил дромос (рис. 3, 1–3).

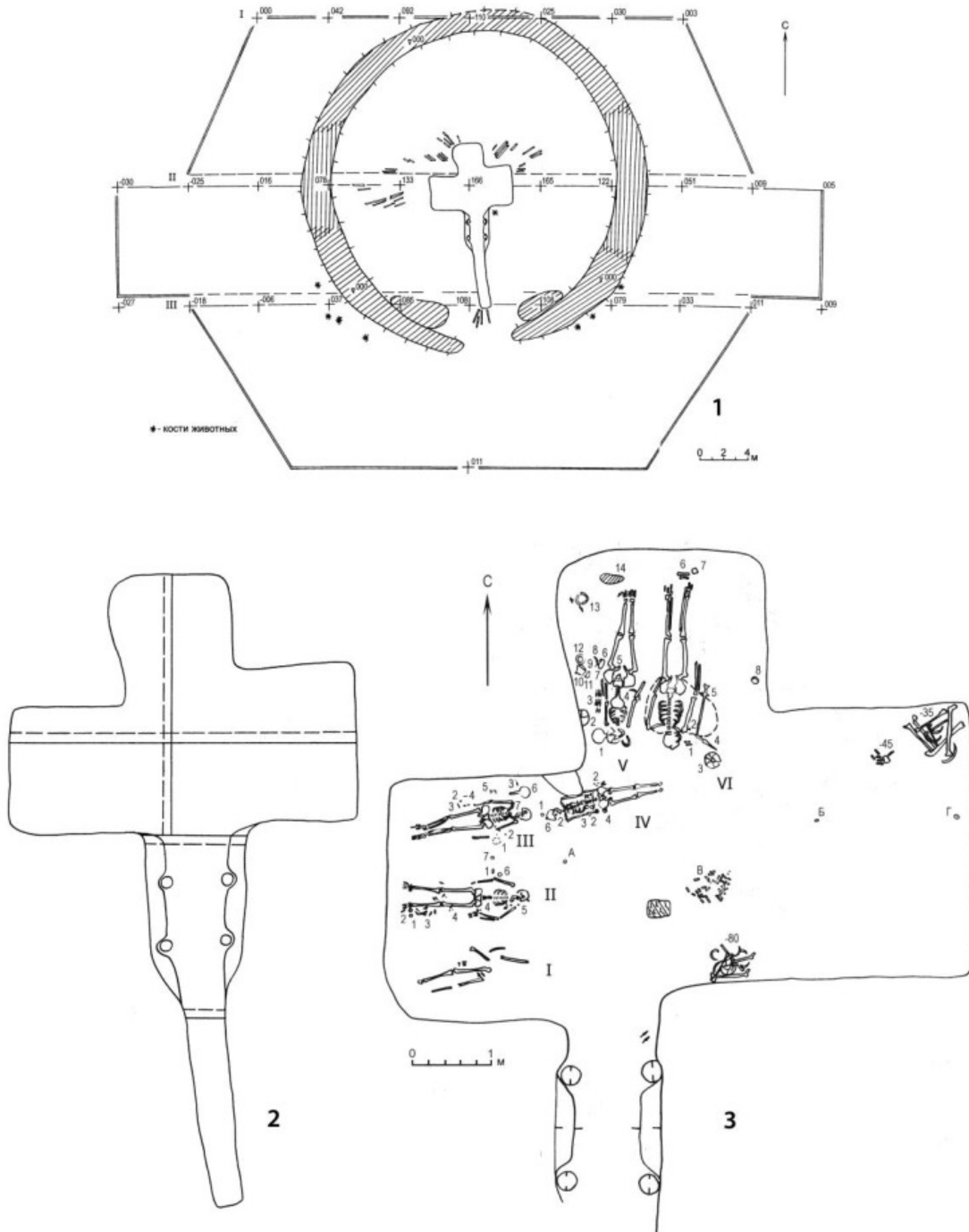

Рис. 3. Дромосное погребение IV в. до н. э. с многоактными захоронениями в камере: Могильник Филипповка, курган № 7: 1 — план кургана; 2 — план могилы; 3 — план погребения

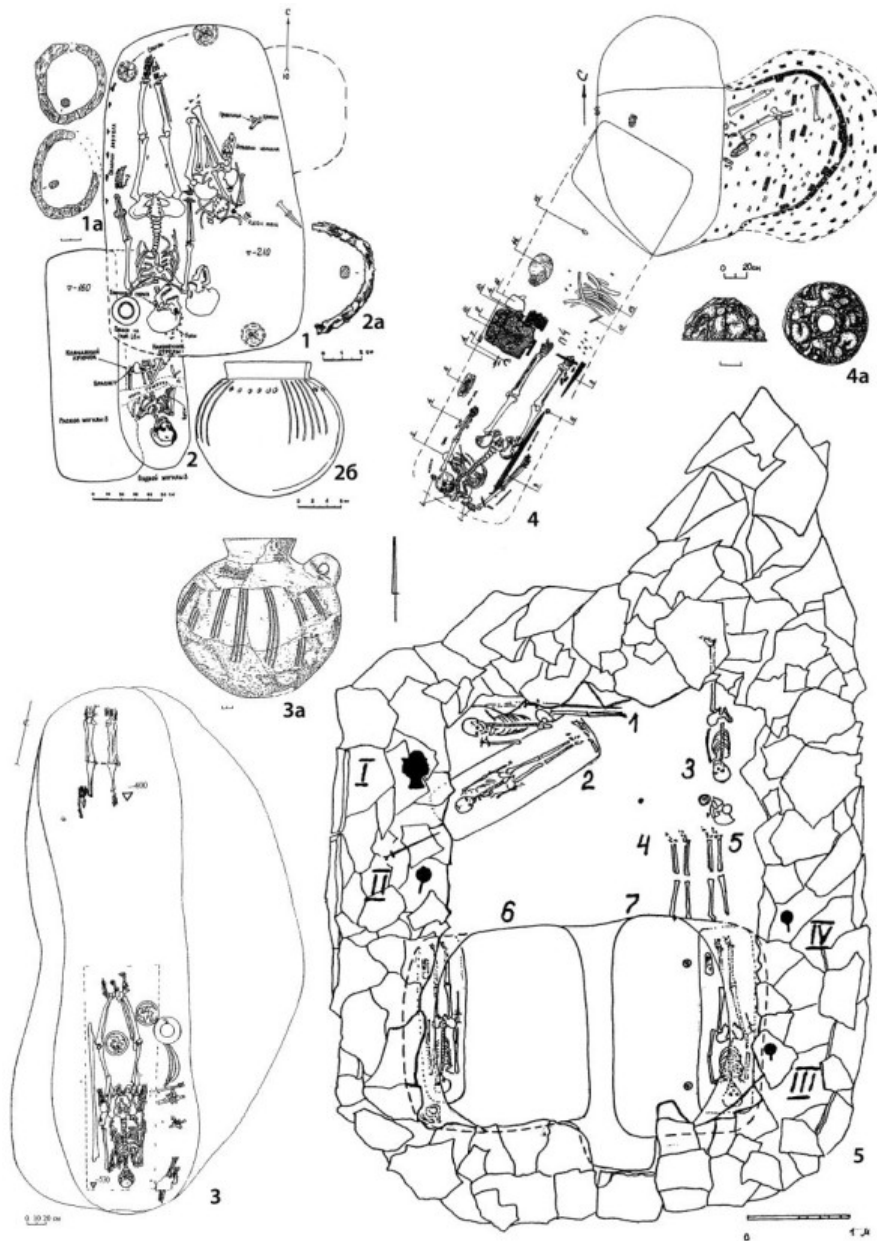

Рис. 4. Вторжения в более ранние погребения у ранних кочевников IV и III — I вв. до н. э.: 1 — могильник Имангазы-Карасу, курган № 3 погребение № 2; 1а — браслеты костяка 2; 2 — могильник Имангазы-Карасу, курган 3 погребение 3; 2а — фрагмент браслета; 2б — сосуд; 3 — могильник Володарка I, курган 4; 3а — сосуд; 4 — могильник Бердянка V, курган № 4, погребения №№ 3 и 4; 4а — ворворка; 5 — курган Тулубай (Исянгильдино-1), погребальное сооружение. 1а, 2а — железо, 2б, 3а — керамика, 4а — бронза

В небольших курганах, где погребения совершались в простых могильных ямах, акты подхоранивания также иногда происходили. В качестве примера приведем погребение № 2 кургана № 3 могильника Имангазы-Карасу (Актюбинская область Республики Казахстан). В западной части могилы лежали останки взрослого человека (скелет № 1), от которых *in situ* сохранились череп, кости таза и бедренные. Остальные кости были сдвинуты со своих мест и перемешаны в момент помещения в могилу нового покойника (скелет № 2), уложенного бок о бок с первым. Антропологических определений в публикации нет, но по инвентарю скелет № 1 — мужской, скелет № 2 — женский (Родионов, Гуцалов, 2000. Рис. 4). Здесь мы имеем классическую ситуацию подхоронения тела, видимо, супруги к останкам ранее умершего мужа (рис. 4, 1). Проблема подобных разновременных разнополюх парных погребений у ранних кочевников остается, к сожалению, пока не изученной. Для нас здесь важно лишь отметить еще одну «конструктивную» причину для вторжения — подхоронение женщины к ранее захороненному мужчине.

В конце IV – начале III в. до н. э. культура ранних кочевников Южного Урала претерпевает серьезные изменения. Они касаются как погребального обряда, так и материальной культуры. Несомненно, что они связаны с уходом большей части населения на запад и с продвижением на эту территорию новых групп кочевников. Исчезает традиция возведения больших курганов с дромосной могилой-склепом в центре. На смену им приходит «курган-кладбище» с множеством индивидуальных захоронений, ни одно из которых не нарушает другое. Причем курганы-кладбища возникают не только на пустом ранее месте, но и на основе ранее возведенных курганов, в том числе непосредственными предшественниками. При этом их погребения нередко нарушаются. «Вторжениями» эти нарушения можно назвать лишь условно, поскольку не всегда ясно, имелась ли цель именно вторгнуться в более раннее погребение. Изучение случаев такого «вторжения» показывает, что эти ранние погребения разрушались лишь частично, а судьба ненарушенной части строителей новых захоронений не волновала, и они оставляли ее нетронутой. Если в конце VI–V в. до н. э. разрушители погребений руководствовались, вероятнее всего, враждебностью к тем людям, чьи погребения они разрушали, то в III–I вв. до н. э. отношение к разрушаемым погребениям скорее равнодушное. К ним не испытывают пиетета, но и откровенной враждебности не демонстрируют.

Если рассмотреть наиболее богатые захоронения этого времени на Южном Урале, окажется, что многие из них устраивались в курганах предшествующего времени и при этом разрушали ранее существовавшие там погребения. Приведем несколько примеров.

Известное погребение в кургане № 4 могильника Володарка I (Уральская область Республики Казахстан), в котором найдены серебряные фалары с изображениями борьбы Беллерофонта с Химерой и китайский меч, совершено в очень глубокой могильной яме — 5,3 м от уровня погребенной почвы. Оно разрушило другое погребение, совершенное также в глубокой (4 м) яме так, что от погребенного остались только кости ног (Гуцалов, Марькин, 2011. Рис. 4–5). К сожалению, не найдено никаких предметов инвентаря этого разрушенного погребения, поэтому его точная датировка затруднительна. Но это, несомненно, погребение эпохи РЖВ, вероятно, IV в. до н. э., на что указывает южная ориентировка погребенного (рис. 4, 3).

Курган № 4 могильника Бердянка V (окрестности г. Оренбурга) был возведен над единственным центральным погребением № 3 в конце V–IV в. до н. э. В более поздний период он был превращен в «курган-кладбище», при этом центральное погребение частично разрушено впускной катакомбной могилой № 4 (рис. 4, 4). Судя по богатому набору инвентаря, включавшему железную кирасу, это погребение не рядового воина (Морзунова, Мещеряков, 1999. Рис. 3). находка в полуразрушенном погребении № 3 бронзовой ворворки, украшенной рельефным шествием животных (рис. 4, 4a), позволяет синхронизировать его с захоронениями Филиповки (Пшеничник, 2012. Рис. 23, 2).

Погребение воина с кинжалом, ножны которого украшены золотой обкладкой, в Красногорском кургане (Беляевский р-н Оренбургской области) было впущено в курган конца V–IV вв. до н. э., в котором ранее было совершено захоронение на древнем горизонте под большой деревянной конструкцией. Оно не разрушило, видимо, ни одного костяка, но входная яма его пробилла остатки деревянной конструкции (Зув, 2012. Рис. 11). Не приходится сомневаться, что попади яма на останки погребенного — и они были бы пробиты.

Налицо некоторая тенденция: останки лидеров, коими, несомненно являлись погребенные из Володарки I, Бердянки V, Красногорского кургана, кочевники III–I вв. до н. э. старались захоронить в курганах предшествующего времени и, если «на пути» попадались костяки ранее захороненных в них людей, с ними особо не церемонились.

В Зауралье погребения III–I вв. до н. э. сравнительно редки, а богатых нет совсем. Тем не менее, имеется замечательный комплекс, хорошо иллюстрирующий отношение кочевников этого времени к захоронениям своих предшественников. Речь идет об одиночном кургане Тулубай (Исянгильдино-1) в Хайбуллинском р-не Республики Башкортостан. В прямоугольной камере, образованной невысокой каменной стенкой, покоилось семь погребенных, из которых первый, третий, четвертый и пятый лежали прямо на полу камеры, костяк 2 — в неглубокой могиле, разрушившей левые руку и ногу пер-

вого покойника. Для захоронения шестого и седьмого погребенных в полу камеры были вырыты глубокие подбойные могилы, разрушившие четвертый и пятый костяки, так, что остались нетронутыми только ноги (*Исмагил, Сунгатов, 2013. Рис. 38, 4*) (рис. 4, 5). Характерный погребальный инвентарь покойных, располагавшихся на древнем горизонте, позволят датировать их захоронение IV – началом III в. до н. э., а нарушившие их, заглубленные в грунт захоронения — III–I вв. до н. э. Здесь мы вновь наблюдаем картину безразличного отношения к погребениям своих непосредственных предшественников.

Однако есть и другие примеры. Еще раз обратимся к уже рассмотренному нами погребению № 2 в кургане № 3 могильника Имангазы-Карасу. К нему с югу примыкает разрушенное наполовину погребение № 3. При взгляде на план может создаться впечатление, что его северную часть разрушило погребение № 2. На самом деле ситуация другая. Погребение № 2 — более раннее, а подбойное погребение № 3 было устроено следующим образом. Копая яму для него, устроители дошли до погребения № 2, но не стали его нарушать и положили ноги покойного прямо над предшествующим погребением, заполнение которого, вероятно, было еще рыхлым. Расстояние между ними по вертикали около 50 см. Затем заполнение просело, и ноги подростка из погребения № 3 провалились в погребение № 2 (рис. 4, 2).

Нужно сказать, что оба погребения совершены на периферии кургана (кроме них в кургане было еще только одно центральное погребение), и элемент случайности при попадании одного погребения прямо на другое, можно, видимо, исключить. Это явно намеренное действие — совершить погребения в теснейшей близости друг к другу. О близости захороненных в погребениях №№ 2 и 3 людей говорит и погребальный инвентарь. В обоих погребениях найдены бронзовые наконечники стрел, на руках женщины из погребения № 2 и подростка из погребения № 3 — одинаковые железные браслеты (рис. 4, 1а, 2а). По этому инвентарю оба погребения можно было бы датировать IV в. до н. э. Однако сосуд, найденный в погребении № 3 — круглодонный с раструбообразным горлом и украшенный по тулову «полотенцами», принадлежит другой эпохе (рис. 4, 2б). Это сосуд III–I вв. до н. э. Такой же сосуд найден в упоминавшемся выше погребении с фаларами из Володарки I (рис. 4, 3а).

К иной эпохе принадлежит и обычай делать «теснящиеся» друг к другу захоронения. В могильниках III–I вв. до н. э., сформированных на «чистых» площадках (то есть тех, на которых нет курганов предшествующего времени), такие захоронения встречены неоднократно. Если умирал человек, состоящий в родственной близости к ранее умершему, его тело не впускали в могилу последнего (как это мы видим в погребении № 2 кургана № 3 Имангазы-Карасу), но делали захоронение в могиле, которую старались «присоединить» к ранее совершенному захоронению. Такую картину мы наблюдаем, например, в нескольких курганах могильника Старые Кишки (Кармаскалинский р-н Республики Башкортостан), в кургане № 11 такие сдвоенные захоронения — №№ 9 и 10, в кургане № 14 — №№ 4 и 7, 5 и 9, 10 и 11, в кургане № 18 — №№ 2 и 31, 7 и 10 (*Садыкова, 1962. Табл. I, 1; рис. 2; Садыкова, Васильев, 2001. Рис. 9*). Так, в последних двух случаях могилы погребенных устроены таким образом, что имеют фактически общую стенку, но не нарушают друг друга ни в малой степени. Картина даже еще сложнее — есть и строенные и счетверенные погребения, которые также, однако, не нарушают друг друга. В том же кургане № 18 могильника Старые Кишки к погребению взрослого человека (№ 18) пристроены два детских погребения (№№ 17 и 20) (рис. 5)³. По полу и возрасту таких погребенных можно предполагать, что речь идет о супругах или родителях и их детях. Надо полагать, вторжение в могилу единоплеменников в этих случаях представлялось нежелательным, или даже недопустимым. В погребениях №№ 2 и 3 могильника кургана № 3 Имангазы-Карасу, на первый взгляд, не были захоронены единоплеменники, но близость между погребенными определенно наблюдается как в инвентаре, так и в нежелании разрушать могилу предшественников. Это совсем не похоже на ту картину обращения с останками ранее погребенных, которую мы наблюдаем в Володарке I, Бердянке V и Тулубае.

³ К сожалению, планы этих погребений не опубликованы, и мы можем лишь сделать выноски из общего плана кургана, чтобы дать представление о характере их взаимного расположения.

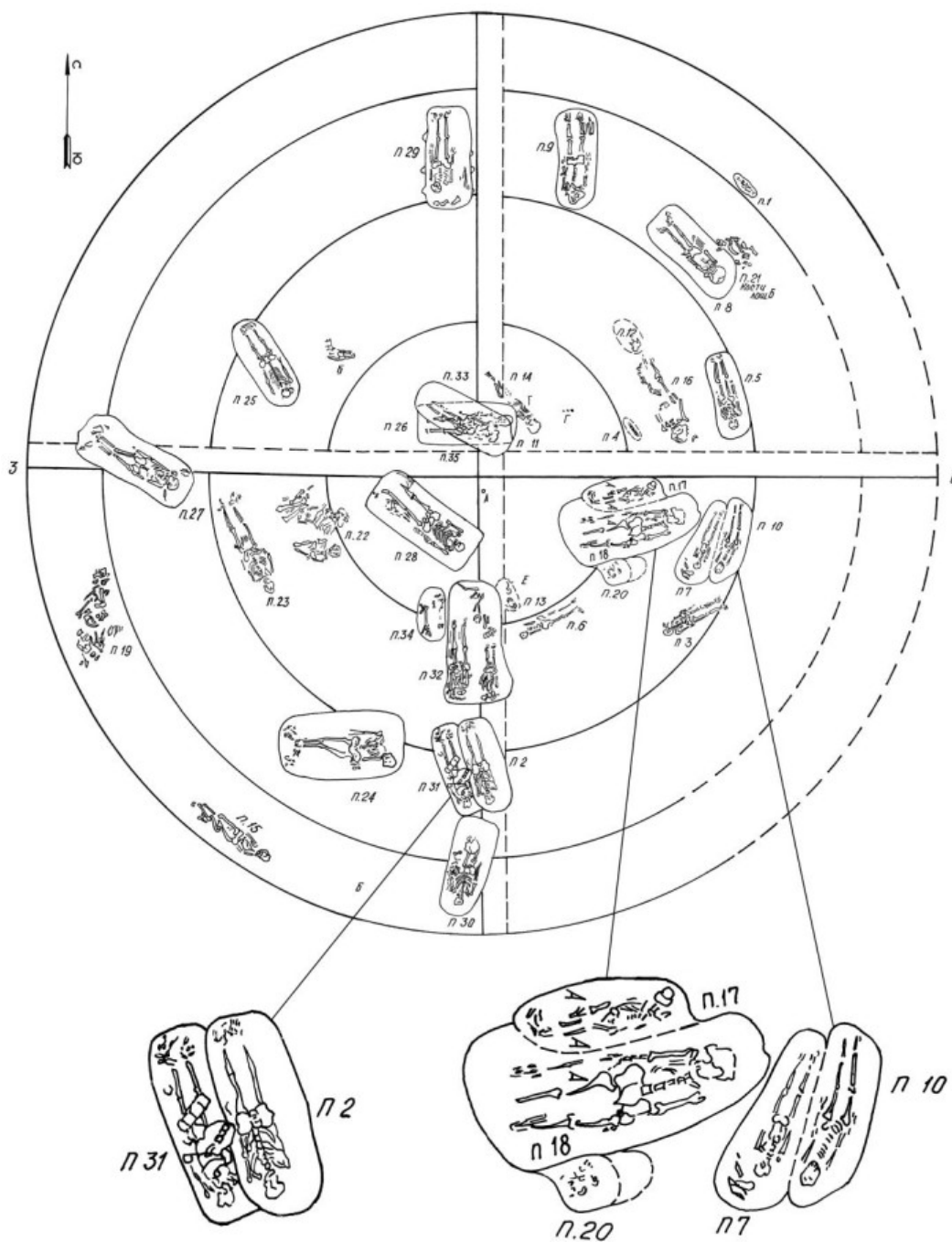

Рис. 5. «Пиететное» отношение к могилам единоплеменников у ранних кочевников III–I вв. до н.э.: Могильник Старые Кншшки, курган № 18; на выносках — не нарушающие друг друга свдоенные (№№ 2 и 31, 7 и 10) и строенное (№№ 17, 18 и 20) погребения

Объяснение здесь, вероятно, следующее. Миграции III–I вв. до н. э. происходили, вероятно, не одновременно. Самые ранние мигранты встретили на Южном Урале остатки позднеавроматского населения, с которым вступили в контакт, вероятно, вполне мирный, образуя при этом и совместные семьи (может быть захоронение такой семьи мы имеем в Имангазы-Карасу). Пришельцы привнесли новые элементы материальной культуры — круглодонные горшки, украшенные «полотенцами», костяные гребни, бронзовые прямоугольные литые пряжки с изображениями людей и животных и т. п., в то же время переняли от предшествующего населения не типичные для себя элементы материальной культуры — деревянные сосуды, украшенные по краям драгоценными металлическими обкладками, костяные ложечки, костяные «трубочки-вилочки», блюда из рога лося и т. д., а также выработали «совместными

усилиям» новые формы клинкового оружия и сформировали таким образом новую культуру ранних кочевников Южного Урала — прохоровскую.

Последующие волны мигрантов вливались в среду уже смешанного населения, которое воспринималось ими как родственное, но предшествующее позднеавроматское население таковым уже не воспринималось. И при погребении своих лидеров в ранее существовавших насыпях захоронения кочевников VI–IV вв. до н. э. могли ими разрушаться, так как строители новых захоронений не ощущали с ними генетической связи.

Итак, практика вторжений в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала претерпевала в конце VI–I в. до н. э. следующие метаморфозы.

1. Для периода конца VI–V в. до н. э. сначала характерны случаи деструктивных вторжений, выражающихся либо в разрушении погребения вместе с могильной ямой, либо в разрушении и выбрасывании из могилы останков покойного. Это следствие не установившихся еще границ земельных участков, занимаемых пришлым населением. Определение границ происходило в обстановке конкуренции и столкновений между отдельными родами, некоторые из которых начинали формировать свои герросы, но оказывались в итоге вытесненными, и их погребения подвергались разрушению при формировании на их месте могильников победителей в этой конкурентной борьбе.

После того, как территории оказались поделены и закреплены, обстановка в степи стабилизировалась, герросы уже не подвергались риску быть уничтоженными. В это время происходит формирование обряда подхоранивания умерших сородичей в уже существующие курганы. Способы подхоранивания в это время еще сравнительно грубы, проникновение в могилу осуществлялось через верх. При этом останки ранее захороненных могли либо аккуратно сдвигаться, чтобы освободить место для вновь захороненных, либо захоронения совершались на разных уровнях, с тем, чтоб останки ранее захороненных подвергались лишь минимальной потревоженности. В конце этого периода возникает наиболее «цивилизованный» обряд неоднократных подхораниваний — в обширных склепах, в которые ведут коридоры-дромосы.

2. Конец V–IV в. до н. э. — это время стабильности, когда формируются огромные могильники с самыми крупными курганами, которые когда-либо существовали в степях Южного Урала. В это время происходит окончательное оформление обряда дромосных погребений, который становится господствующим. Вторжения в могилы соплеменников в это время — устоявшееся регламентированное правило. Останки ранее захороненных при этом не разрушаются. Очевидно, что подхоронения выступают как маркеры сохранения и неизменности статусов «родовых некрополей». В это же время получают массовое распространение впускные погребения в периферийных частях кургана (формально они не имеют касательства к рассматриваемой нами теме, так как никогда не нарушают друг друга). Очевидно, это одна из переходных стадий к появлению так называемых «курганов-кладбищ». В это же время встречаются случаи подхоронения новых покойников в простых (не дромосных) могилах. При этом старые погребения также не разрушаются. На этот период приходится формирование «шкетного» отношения к телам погребенных единоплеменников.

3. В III–I вв. до н. э. формируется новая культура ранних кочевников Южного Урала — прохоровская. Основой ее явилось позднеавроматское население, к этому времени, вероятно, уже немногочисленное, в среду которого влились мигранты с востока. В целом это время «шкетного» отношения к погребенным соплеменникам, в их могилы не вторгаются, не разрушают, не тревожат, но иногда совершают погребения в теснейшей близости от сделанных ранее захоронений. Вторжения происходят в погребения предшествующего позднеавроматского населения, при этом их могилы не подвергаются целенаправленному тотальному разрушению, но разрушаются лишь в той степени, в какой они мешают совершению нового захоронения. Вероятно, эти акты нарушений предшествующих погребений так же, как и в конце VI–V в. до н. э., знаменуют утверждение права на территорию, прежде занятую генетически не родственным населением. В то же время имеются и факты «шкетного» отношения к могилам этого населения, очевидно объясняющиеся вливанием в его среду отдельных групп мигрантов, и появлением смешанного населения, связанного уже родственными узами.

-
- Гуцалов С. Ю., Марыкшин А. В. Погребения из Западного Казахстана: К вопросу о связях древних кочевников Южного Приуралья с населением Центральной Азии // ВДИ. 2011. № 3.
- Зуев В. Ю. Красногорский курган // Золото, конь и человек: Сб. статей к 60-летию А. В. Симоненко. Киев. 2012.
- Исмагил Р., Сунгатов Ф. А. Памятники янцкой культуры последней четверти V–IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа, 2013.
- Моргунова Н. А., Мецераков А. В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1999. Вып. III.
- Пшеничник А. Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.
- Пшеничник А. Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа, 2012.
- Родионов В. В., Гуцалов С. Ю. Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2000. Вып. 2.
- Садыкова М. Х. Сарматский курганный могильник у дер Старые Кишки // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Вып. I.
- Садыкова М. Х., Васильев В. Н. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. Вып. 3.
- Сиротин С. В. Комплексы эпохи ранних кочевников одиночного кургана Яковлевка II из Зауральской Башкирии // XVIII Уральское археологическое совещание: Культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010.
- Сиротин С. В. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. Оренбург, 2016.
- Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
- Федоров В. К., Васильев В. Н. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1.
- Яблонский А. Т. Многоактные захоронения в подземных склепах Присарыкамышья эпохи железа // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1.